

КАК ПУШКИН ГАЗЕТУ СОЗДАВАЛ

Наталья Михайлова,
 академик Российской академии образования,
 доктор филологических наук, заместитель
 директора Государственного музея
 А.С. Пушкина по научной работе

В 1830 году в Петербурге вышел в свет первый номер пушкинской «Литературной газеты». Поэт воплотил в ней свои представления о просветительской печати.

Ключевые слова: просветительская печать, литераторы, «Литературная газета», публикации, творческий вклад, полемические выступления, история прессы, история журналистики

Газета открывалась отрывком «Магнетизёр» из нового романа Антония Погорельского — под этим псевдонимом печатал свои сочинения А.А. Перовский. Роман «Монастырка», пожалуй, самое значительное произведение писателя, фантастические повести которого (особенно «Лафертовская маковница», восхищавшая Пушкина бабушкиным котом — титулярным советником Мурлыкиным) и сегодня заслуживают читательского внимания.

В отрывке же — колоритное описание сибирского чаепития с «огромным самоваром из красной меди», овальным жестяным подносом, «на котором изображено было красками изгнание из рая Адама и Евы», чашками «белого фарфора с нарисованными на них тюльпанами, незабудками и розами», хрустальным графином «с лучшим ямайским ромом» и «большой серебряной корзиной

резной работы», наполненной сухарями. Не менее выразительно описание дородной Степаниды Гавриловны, её бородатого супруга Анисима Аникеевича и их дочери Пашеньки, задумчивой «прекрасной девушки лет девятнадцати», одетой «просто — впрочем, по новейшей моде» (это немудрено, ведь воспитывалась она в Петербурге, в пансионе). Что же касается их диалога, то он просто интригует — речь идёт о магнетизме. Пашенька начинает рассказывать о странной болезни петербургской горничной, страдающей припадками и конвульсиями. Но на самом интересном месте, когда, обращаясь к дочери, Аникеевич говорит: «Продолжай, Пашенька!», текст отрывка обрывается — «окончание в следующем №».

А.С. Пушкин и другие литераторы на обеде у А.Ф. Смирдина; Гравюра С.Ф. ГАЛАКТИОНОВА по рисунку А.П. БРЮЛЛОВА. Вслед за «Магнетизёром» — «Отрывок из VIII главы Евгения Онегина». Сегодня мы читаем его в составе «Отрывков из путешествия

Онегина» (напомним, что «Путешествие Онегина» по первоначальному замыслу Пушкина должно было быть восьмой главой романа). Это первая публикация (от стиха «Прекрасны вы, брега Тавриды» до стиха «Зарему я воображал...» включительно). Впервые читатели «Литературной газеты» знакомы с новым взглядом Пушкина на поэзию, на своё творчество, которое, конечно же, изменилось, обрело новые темы, новые краски и звуки.

**В ту пору мне казались нужны
Пустыни, волн края жемчужны,
И моря шум, и груды скал,
И гордой девы идеал,
И безымянные страдания...
Другие дни, другие сны;
Смирились вы, моей всны
Высокопарные мечтанья,
И в поэтический бокал
Воды я много подмешал.
Иные нужны мне картины:
Люблю песчаный косогор,
Перед избушкой две рябины,
Калитку, сломанный забор...**

И кучи соломы возле гумна, и пруд с утками, и балалайка, и трепак перед кабаком, а главное:

**Мой идеал: жена-хозяйка,
Мои желанья — покой,
Да шей горшок, да сам большой.**

*(В окончательном варианте:
«Мой идеал теперь — хозяйка»).*

Декларативно сталкиваются роскошный крымский пейзаж «в блеске брачном» и картина дождливой серенькой осени в средней полосе России. Своего рода эпатаж в упоминании скотного двора, невозможного, конечно же, в романтической поэзии. Эпатаж усилен ироническим восклицанием: «Тьфу! Прозаические бредни, Фламандской школы пёстрый сор!»

А затем — глава из книги М.А. Максимовича «Размышления о природе», одного из наиболее важных трудов ботаника, которой был ещё и историком, филологом, фольклористом и поэтом. Заметим, что в публикуемой «Литературной газетой» главе «О цветке» предмет исследования ботаники — цветок — описан поэтически: «Цветение есть брачное торжество жизни растения; а цветок есть тот чертог, где

ШКОЛА

торжествуется любовь его так прекрасно и открыто, пред лицом солнца».

В разделе «Библиография» аннотировалось вышедшее в свет в Москве в 1829 году «Собрание сочинений и переводов Дениса Ивановича Фонвизина» с обещанием поместить в следующих номерах «Литературной газеты» отрывок из «замечательной статьи — биографии Фон-Визина», написанной князем П.А. Вяземским, и «одно из не изданных доселе сочинений Ф. Визина («Разговор у княгини Халдиной»)». Кроме того, была представлена книга, напечатанная в 1829 году в Петербурге, — «Сань-цзы-цзин, или Троеслово, с литографированным китайским текстом». Эта книга была переведена с китайского монахом Иакинфом — Н.Я. Бичуриным, востоковедом, членом-корреспондентом Российской академии наук, организовавшим первое в России училище китайского языка. С ним Пушкин хотел отправиться в Китай, когда Бичурин был назначен главой духовной миссии в Пекине. Как было сказано в аннотации, «Книгу сию о. Иакинф перевёл и издал с тою целью, чтобы она могла служить для русских руководством к чтению переводов с китайского языка; ибо в ней изложены все философические умствования китайцев, с изъяснением понятий и выражений, незнакомых европейцам и могущих затруднить их при чтении других китайских книг». Есть предположение, что автором рецензии о труде Бичурина в «Литературной газете» был Пушкин.

Раздел «Альманахи на 1830 год» сообщал о «Северных цветах» (в перечне было представлено его содержание) и об «Альманахе анекдотов» (замечено, что «анекдоты, помещённые в сей книжке, по большей части стары, слог... тоже не нов»).

В разделе «Учёные известия», подготовленном, скорее всего, поэтом и перевод-

чиком, членом различных учёных обществ В.Н. Щастным, рассказывалось о «письменах вавилонских» — рукописи, приобретённой английским ориенталистом Прайсом. Составитель раздела приводил также статистические данные о числе растений разного вида в разных странах, выписку из английского журнала о миражах в Персии.

Завершал первый номер газеты раздел «Смесь» — здесь без имени автора были помещены две краткие заметки Пушкина (благодаря исследователям пушкинского творчества мы знаем, что это — Пушкин, читатели «Литературной газеты» этого не знали). Первая заметка — отклик на некролог героя Отечественной войны 1812 года генерала Н.Н. Раевского, написанный декабристом М.Ф. Орловым, который после восстания 1825 года был сослан в деревню под надзор полиции. Его сочинение вышло в свет отдельной брошюрой без имени автора. Отметив, что «некрология» «отличается благородною теплотою слога и чувств», Пушкин выразил пожелание, «чтобы то же перо описало пространнее подвиги и приватную жизнь героя и добродетельного человека», заметил упущение — автор «не упомянул о двух отроках, приведённых отцом на поля сражений в кровавом 1812 году!.. Отечество того не забыло». Речь идёт о сыновьях Н.Н. Раевского — друзьях Пушкина Александре и Николае: им было 16 и 11 лет, когда вместе с отцом они участвовали в сражениях при Дашковке 11 июля 1812 года (К.Н. Батюшков, впрочем, считал это легендой). Дочь генерала Раевского М.Н. Волконская прочла пушкинскую заметку (не зная, что написал её Пушкин) в Сибири. 12 июня 1830 года она в письме к П.А. Вяземскому просила поблагодарить «тех, кто сумел принести дань уважения» её отцу, сообщала, что она «прочитала эту заметку с живейшей благодарностью».

Вторая заметка — сообщение о том, что П.А. Вяземский «перевёл и скоро напечатает славный роман Бенж. Констана». Пушкин пишет о том, что роман «Адольф» «принадлежит к числу двух или трёх романов,

**В которых отразился век
И современный человек
Изображён довольно верно...»**

Приводя цитату из «Евгения Онегина», отметив «опытное и живое перо кн. Вяземского», автор романа в стихах утверждает, что его перевод «Адольфа» будет «истинным созданием и важным событием нашей литературы».

Ознакомившись с первым номером «Литературной газеты», мы можем сказать, что он в полной мере отвечал объявлению, предвзвешавшему её выход в свет, где было сказано: «Цель сей газеты — знакомить образованную публику с новейшими произведениями литературы европейской и в особенности российской». В первом номере были представлены заявленные в объявлении разделы: проза, стихотворения, библиография, учёные известия, смесь.

«Издатель признаёт за необходимое объявить, что в газете его не будет места критической перебранке» — в самом деле, в первом номере её нет. Но в дальнейшем авторы будут вынуждены отвечать на критические выпады литературных противников. Наконец, заявление издателя о том, что «разнообразие и занимательность «будут главнейшим предметом» его «трудов и попечений», также подтверждается первым номером газеты — она, как мы могли убедиться, разнообразна и занимательна.

Издателем «Литературной газеты» был один из ближайших ещё с лицейских лет друг Пушкина поэт А.А. Дельвиг, до выхода газеты издававший альманах «Северные цветы». Помощником Дельвига по изданию стал писатель, критик, опытный журналист О.М. Сомов. Самое деятельное участие в газете принял Пушкин. Он давно мечтал о своём печатном органе, в котором можно было бы объединиться с близкими ему писателями в борьбе за просвещение, за нравственные основы литературного творчества, независимого

от каких-либо политических или коммерческих соображений, за независимую критику, которая будет формировать общественное мнение и эстетический вкус читающей публики. «Литературная газета», выходявшая в свет каждые пять дней, была хороша и тем, что позволяла, разумеется, при тщательном отборе публикуемого материала мгновенно реагировать на литературные новости, своевременно включаться в литературную полемику, отражая и нелитературные обвинения.

Пушкин и Дельвиг привлекли к участию в газете лучших авторов, тех, чьи произведения и сегодня мы читаем. В «Литературной газете» печатались стихи и проза П.А. Вяземского, Е.А. Баратынского, Д.В. Давыдова, Н.М. Языкова, И.И. Козлова, А.В. Кольцова, И.А. Крылова, В.Л. Пушкина, В.Ф. Одоевского, Н.В. Гоголя. Когда сегодня мы перелистываем пожелтевшие от времени страницы газеты и встречаем знакомые нам произведения, то кроме восхищения и радости узнавания испытываем ещё и прелесть новизны: ведь именно здесь, на этих страницах, эти произведения впервые увидели свет. Так, нас не может не трогать примечание к публикации басни Крылова «Щука», напечатанной в 18-м номере газеты за 1830 год: «Издатель «Литературной газеты» весьма благодарит знаменитого нашего баснописца за прекрасный подарок и с удовольствием извещает читателей, что И.А. Крылов написал до двадцати новых басен, носящих на себе яркую печать его остроумия и поэтического таланта».

Смелостью издателей газеты была публикация писателей-декабристов А.И. Одоевского, В.К. Кюхельбекера и А.А. Бестужева. Конечно, их печатали без указания имён. Но заключительная фраза пушкинской статьи «О журнальной критике», увидевшей свет в № 3 за 1830 год, достаточно прозрачно намекала на ссыльных авторов: «Литературная газета» была у нас необходима не столько для публикации, сколько для некоторого числа писателей, не могших по разным отношениям являться под своим именем ни в одном из петербургских или московских журналов». Тетрадь стихов Одоевского была прислана Вяземскому из Читинского острога в 1829 году П.А. Мухановым, который писал: «Вот стихи, писан-

ШКОЛА

ные под небом гранитным и в каторжных норах. Если вы их не засудите — отдайте в печать». Вяземский отдал их в «Литературную газету»: в 1830 году увидели свет «Элегия. На смерть А.С. Грибоедова», «Пленник», «Старича-пророчица», «Узница Востока».

Иностранная литература была представлена переводами произведений В. Гюго, П. Мериме, В. Ирвинга, Э.Т.А. Гофмана, В. Скотта, Л. Тика, Стендаля. Право же, это увлекательное чтение!

Конечно же, не всё, что некогда появлялось на страницах «Литературной газеты», может вызвать наш читательский интерес. И да простит мне тень поэта, драматурга, критика, члена «Союза благоденствия» П.А. Катенина, который «воскресил Корнеля гений величавый», его критические «Размышления и разборы», при всём их несомненном историко-литературном значении, читать сегодня трудно — согласимся с В.Л. Пушкиным, который незадолго до своей кончины читал «Литературную газету» и сказал: «Как скучны статьи Катенина». Но — и это, как мне кажется, справедливо — всё же многие материалы газеты, быть может, не столь занимательные сами по себе, любопытны для нас тем, что передают аромат пушкинской эпохи. Так почему бы не прочесть нам сегодня галантное двустихие почетного А.Е. Измайлова, сочинившего свой экспромт в индийской пагоде и адресовавшего его княгине Е.С. Х-ой:

**В Пагоде написал стишки
в альбом Княгине.
Во храме почему ж не думать
о богине.**

Почему бы не познакомиться с публикациями художника В.П. Лангера (он был лицеистом второго выпуска, издал в 1823 году литографированные виды Царского Села) о новостях изящных искусств, с его заметками о том, что готовится литографированная панорама

Невского проспекта, заказанная Садовникову и Иванову (мы знаем, что на одном из листов появится Пушкин), с его сообщениями о работах А. Брюллова, о литографированном портрете Пушкина, выполненном Сандомури. Или почему бы нам не улыбнуться забавной истории про завещание одного оригинала-англичанина, оставившего своё несметное богатство некой девице Б., носом которой он любовался в течение трёх лет, рисовал её нос прямо, сбоку и в три четверти, посвящал её носу стихи. Девица Б. вступила во владение наследством, а родственники покойного остались с носом. Как знать, может быть, эта история стала одним из источников повести Гоголя «Нос», тем более что он сотрудничал с «Литературной газетой».

Но всё же, пожалуй, главное для нас — это то, что в газете печатал свои сочинения — и стихи, и прозу, и критику — Пушкин. И не только печатал, но, по существу, был душой газеты. И если первые два номера он готовил с Дельвигом, то следующие десять (с третьего по двенадцатый) были созданы Пушкиным: он собирал материалы для публикации, редактировал их (поэт оказался строгим редактором), следил за ходом издания газеты, улаживал цензурные затруднения (а они были). Он был наделён редким даром общения, умел убеждать, сумел привлечь к участию в издании тех авторов, сочинения которых были достойны внимания читающей публики. Однажды Пушкин, будучи в гостях у В.А. Жуковского, предложил даже прежнему литературному противнику «Арзамаса» А.А. Шаховскому, которого не зря наградили в «Евгении Онегине» эпитетом «колкий» (его комедия «Урок кокеткам, или Липецкие воды» в самом деле больно уколола арзамасцев), дать в газету отрывок из его драмы «Смольяне в 1611 году».

В хлопотах по изданию Пушкину помогал Сомов. Правда, Пушкин не всегда был им доволен. В конце января 1830 года он писал Вяземскому из Петербурга в Москву: «Высылай ко мне скорее Дельвига, если ты сам

не едешь. Скучно издавать газету одному с помощью Ореста, несносного друга и товарища. Все Оресты и Пилалы на одно лицо». (Пушкин иронически сравнивает Ореста Сомова с героем греческой мифологии Орестом — он и его друг Пилад были готовы пожертвовать собой, принять смерть во имя дружбы.) Деятельным помощником Пушкина по газете стал Вяземский. В этом же письме Пушкин благодарил его («очень благодарю») за его прозу — критическую статью о московских журналах: «подавай её поболее».

Пушкин напечатал в «Литературной газете» более тридцати своих произведений. И каких! Среди них такие шедевры пушкинской лирики, как Стансы («Брожу ли я вдоль улиц шумных»), «В альбом» («Что в имени тебе моём»), «Калмычке», «Кавказ», «Мадонна», «Арион», Стансы («В часы забав иль праздной скуки»), «Послание к К.Н. Б. Ю***» («От северных оков освобождая мир...»). За каждым из этих стихотворений — жизнь Пушкина, его мысли и чувства, которыми он делился с читателями.

В сонете «Мадонна», адресованном Н.Н. Гончаровой, поэт делился с читателями своим восторгом, своей безмерной радостью:

**Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна,
Чистейшей прелести чистейший образец.**

Стансы («В часы забав иль праздной скуки») продолжали диалог первого поэта России с первым её церковным проповедником — московским митрополитом Филаретом.

В этом стихотворении Пушкин оставил нам литературный портрет Святителя Филарета — духовного наставника:

**И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты.**

«Послание «к К. Н. Б. Ю***» запечатлело образ с детства знакомого Пушкину просвещённого вельможи екатерининского времени князя Николая Борисовича Юсупова, гостеприимного хозяина подмосковного имения Архангельское.

**Ступив за твой порог,
Я вдруг переношусь во дни Екатерины.
Книгохранилище, кумиры, и картины,
И стройные сады свидетельствуют мне,
Что благосклонствуешь ты музам**

в тишине...

Откликом на это послание, напечатанное в «Литературной газете», явился безобразный фельетон Н.А. Полевого — «Утро в кабинете знатного барина», опубликованный в сатирическом приложении к журналу «Московский телеграф» «Новый живописец»: Пушкин был представлен стихотворцем Подлецовым, пресмыкающимся перед вельможей Беззубовым. За Пушкина вступился читатель «Литературной газеты» и один из её авторов В.Л. Пушкин. В стихотворном послании к племяннику он писал: «Пустые критики достоинств не умалят».

Уже сказанного было бы, кажется, довольно, чтобы понять, насколько велик был творческий вклад Пушкина в «Литературную газету». В октябре 1830 года поэт писал

П.А. Плетнёву из Болдина в Петербург: «Скажи Дельвигу, чтоб он крепился; что я к нему явлюсь непременно на подмогу, зимой, коли здесь не околею. Покамест он уж может заказать виньетку на дереве — изображающую меня голенького, в виде Атланта, на плечах поддерживающего «Литературную газету»». Конечно, это шутка. Но и правда. К тому же кроме стихов была ещё и проза — и художественная, и критическая.

Специально для газеты Пушкин подготовил отрывок из «Путешествия в Арзрум» — «Военная Грузинская дорога». Это образец точной и краткой пушкинской прозы: путевые впечатления, пейзажи, быт и нравы местных жителей под пером Пушкина оживают перед нашими глазами. Во время своего путешествия поэт встретил Фазил-хана, персидского поэта при дворе наследника шаха, принца Хозрева-Мирзы (он учил его детей):

ШКОЛА

«Я, с помощью переводчика, начал было высокопарное восточное приветствие; но как же мне стало совестно, когда Фазил-хан отвечал на мою неуместную затейливость простою, умной учтивостию порядочного человека! Он надеялся увидеть меня в Петербурге; он жалел, что знакомство наше будет непродолжительно и проч. Со стыдом принуждён я был оставить важно-шутливый тон и съехать на обыкновенные европейские фразы. Вот урок нашей русской насмешливости. Вперёд не стану судить о человеке по его бараньей папахе и по крашеным ногтям».

В этой, казалось бы, частной истории действительно заключён урок, урок доброжелательства, мысль о высокой миссии просвещения, объединяющего, сближающего людей разных наций.

В «Литературной газете» без имени автора был напечатан отрывок из незавершённого исторического романа «Арап Петра Великого» — «Ассамблея при Петре I». Катенин сразу же узнал перо Пушкина, но на его вопрос, справедлива ли его догадка, Сомов ответил, что писал другой автор, пожелавший остаться неизвестным.

Критические заметки Пушкина, его рецензии, полемические выступления большей частью напечатаны анонимно. В связи с этим не могу не вспомнить о том, как однажды, штудировав в библиотеке «Руководство к изучению русской словесности» лицейского преподавателя Пушкина П.Е. Георгиевского, вышедшее в свет в 1836 году, я с изумлением прочла:

«В наше время под словом роман разумею историческую эпоху, развитую в вымышленном повествовании». Но ведь это Пушкин! Это из его статьи 1830 года о романе М.Н. Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году». Сегодня без этого определения романа

не обходятся исследователи русской литературы, авторы работ по теории литературы. У Георгиевского ссылки на Пушкина нет. И понятно, почему — ведь статья без имени Пушкина была напечатана в «Литературной газете» (хотя всё же можно было сослаться на эту газетную публикацию). В данном случае обратим внимание на другое — пушкинское определение романа, к сегодняшнему дню ставшее классическим, уже при жизни Пушкина вошло в учебник, было оценено и востребовано его современниками. Но обратимся к другим критическим статьям Пушкина.

«Литературная газета» с самого начала своего существования отмечалась от журналистов охранительного толка — Ф.В. Булгарина, издателя газеты «Северная пчела», Н.И. Греча, издателя журнала «Сын Отечества», Н.А. Полевого, издателя журнала «Московский телеграф». С ними война за просвещение, свободомыслие, истинный литературный вкус шла не на жизнь, а на смерть. Когда Сомов, ранее сотрудничавший с «Северной пчелой», перешёл к Дельвигу, его встретил на Невском проспекте Булгарин. Это было накануне выхода в свет «Литературной газеты» в декабре 1829 года. Между ними состоялся такой диалог:

«— Правда ли, Сомыч, что ты пристал к Дельвигу?
— Правда!
— И вы будете меня ругать?
— Держись!»

Булгарин стал поливать бранью газету ещё до выхода её первого номера. С какими только обвинениями в адрес Пушкина и его единомышленников не выступал он! Пушкин обвинялся в отсутствии патриотизма, в том, что украл описание Москвы из романа Булгарина «Иван Выжигин» (Булгарин забыл, что роман его вышел позже 7-й главы пушкинского романа в стихах!), и так далее и тому подобное. С каким блеском отвечала ему «Литературная газета»! С каким остроумием отвечал ему Пушкин!

В кратчайшем отзыве о современных Пушкину исторических сочинениях всего две фразы:

«Острая шутка не есть окончательный приговор. *** сказал, что у нас три истории России: одна для гостиной, другая для гостинойцы, третья для гостиного двора». (В данном случае Пушкин говорил об «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, «Истории Российской» С.Н. Глинки и «Истории русского народа» Полевого.) Приведём ещё одну заметку Пушкина:

«Мильтон говаривал: «С меня довольно и малого числа читателей, лишь бы они достойны были понимать меня». — Это гордое желание поэта повторяется иногда и в наше время, только с небольшою переменой. Некоторые из наших современников явно и под рукою стараются вразумить нас, что «с них довольно и малого числа читателей, лишь бы было много покупателей».

Самое известное полемическое выступление Пушкина против Булгарина — его памфлет «О записках Видока». Он появился в «Литературной газете» после публикации в «Северной пчеле» «Анекдота» (скажем прямо, скверного анекдота), где Пушкин был представлен неким французским писателем, «который долго морочив публику передразниванием Байрона и Шиллера (хотя не понимал их в подлиннике), наконец упал в общем мнении, от стихов хватился за критику... бросает рифмами во всё священное, чванится перед чернью вольнодумством, а тишком ползает у ног сильных...».

Пушкин как будто бы пишет о записках французского сыщика Видока, но на самом деле создаёт убийственный портрет агента III отделения Булгарина, портрет, который не могли не узнать читатели: «Он... пишет на своих врагов доносы, обвиняет их в безнравственности и вольнодумстве и толкует (не в шутку) о благородстве чувств и независимости мнений...». Здесь был недвусмысленный намёк и на шефа

жандармов А.Х. Бенкендорфа, который принимал болгаринские доносы. В заключение памфлета Пушкин обращался к властям, утверждая, что «сочинения шпиона Видока» (т.е. Булгарина) «нельзя не признать крайним оскорблением общественного приличия».

Это был дерзкий вызов Пушкина, вызов тем, кто поддерживал таких, как Булгарин. Впрочем, «Литературная газета» всегда была на подозрении. Поводом расправы с ней послужила публикация в 61-м номере от 28 октября 1830 года заметки, связанной с событиями июльской революции во Франции (газета Дельвига в отличие от газеты Булгарина не имела разрешения публиковать политические новости):

«Вот новые четыре стиха Казимира де ла Вина на памятник, который в Париже предполагают воздвигнуть жертвам 27, 28 и 29 июля:

**Франция, можешь их имена мне назвать?
Их не вижу на стеле сей скорбной.
Победили они, победили так скоро.
Ты свободною стала, не успев их узнать».**

(Оригинал на франц. яз., перевод
Натали Муромской.)

Бенкендорф вызвал в III отделение Дельвига, в присутствии жандармов кричал на него, угрожал, что он его и его друзей Пушкина и Вяземского упрячет в Сибирь. Дельвиг вёл себя мужественно и достойно, но был так потрясён случившимся, что вскоре слёг в гнилой горячке. 14 января 1831 года его не стало. «Грустно, тоска, — писал Пушкин 21 января П.А. Плетнёву. — Вот первая смерть, мною оплаканная... никто на свете не был мне ближе Дельвига... около него собиралась наша бедная кучка. Без него мы точно осиротели».

«Литературная газета» благодаря стараниям Жуковского и Д.Н. Блудова, в то время влиятельного чиновника, а в прошлом арзамасца, была возобновлена. Редактором её стал Сомов. С её страниц исчезали известные имена, появлялось всё больше публикаций самого Сомова. Интерес читателей падал, падало и число подписчиков. Когда их осталось всего лишь сто, газета прекратила существование. Последний номер газеты вышел в свет 5 июля 1831 года. В «Литературных прибавлениях к «Русскому инвалиду» была напечатана своеобразная эпитафия: «В июле, к общему сожалению, кончила

ШКОЛА

земное поприще своё «Литературная газета», отличавшаяся стихотворениями Пушкина, Хомякова, Деларю, Трилунного и Якубовича, оригинальными русскими повестями и дельными остроумными статьями полемическими».

Представляется, что значение газеты Дельвига и Пушкина ещё не вполне оценено, как и не вполне осмыслено влияние газеты на творчество Пушкина. Быть может, когда в Болдине знаменитой осенью 1830 года он завершал свой роман в стихах, в его прощании с читателем сказался издательский опыт «Литературной газеты», заботившейся о разнообразии материалов, которые могут вызвать различный читательский интерес:

**Кто б ни был ты, о мой читатель,
Друг, недруг, я хочу с тобой
Расстаться нынче как приятель.
Прости. Чего бы ты за мной
Здесь не искал в строфах небрежных,
Воспоминаний ли мятежных,
Отдохновенья ль от трудов,
Живых картин, иль острых слов,
Иль грамматических ошибок,
Дай бог, чтоб в этой книжке ты
Для развлечения, для мечты,
Для сердца, для журнальных сшибок
Хотя крупицу мог найти.
За сим расстанемся, прости!**

В Болдине осенью 1830 года Пушкин думал об опыте «Литературной газеты» и тогда, когда в незавершённой статье «Опровержение на критики» писал то, что нам ещё предстоит по-настоящему осмыслить:

«...дружина учёных и писателей, какого б рода они ни были, всегда впереди во всех набегах просвещения, на всех приступах образованности. Не должно им малодушно негодовать на то, что вечно им определено выносить первые выстрелы и все невзгоды, все опасности».

